

„Боевым курсом“

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ТРАМА

Драма о плотнике комсомоле Соколовского, Львова и Горбенко воздвигнута серьезной идейной задачей. Пьеса заглядывает в сущность вопроса о размещении людей в практике социалистического строительства.

Зарисовка Е. И. АНТОНОВСКОГО

Боцман — СТРОИТЕЛЕВ.

о его поступлении и пытается поднять свою тему на проблемную высоту: человек находит себя, свои творческие силы, свою революционную планку только в условиях правильной расстановки на строительном ему месте.

Комсомолец Миша Карпов не чувствует себя по-настоящему ни во флоте, ни в колхозе до тех пор, пока один из приятелей не наталкивает его на шибетельскую инициативу. Карпов ради членами корабельный насос и находит себя, свою цену, свою новую жизнь. Опьяне он — необходима часть социалистического коллектива, который вобрал в себя эту необъятную индивидуальную силу, сам вырастает в своем активном общественном содержании.

Комсомолец Степаненко был не рабочим и бригадиром, и минером, и сварщиком, и вдобавку вынужден прикрывать свои неудачи всеобщим баллагурством, но вот шефский поход в колхоз открывает в нем особенного колхозного работника — пьеса дает своему герою торжественное достойное увольнение с краснофлотецкой службы, направляет его боевым курсом к колхозному трактору и мальнице.

Важней авторам, как будто бы, весь приспособлен к тому, чтобы вдохнуть живое дыхание и силу развития в драматические образы — к сожалению, эта задача не разрешена трамбовскими драматургами. Тема проходит в значительной мере мимо своих героев, не задевая и не выполняя их, не достигая в них достоятельной психологической конкретности. И здесь мы и подходим к определенно решающим принципиальным недостаткам новой работы ТРАМА: пьеса Соколовского, Львова и Горбенко еще не поднимает о основах той сценической драмы, принципов которой в свое время выявляла сама.

В пьесе слишком очевидна предначертанная «механика событий», руководящая персонажами: слишком легко они находят свою «новую жизнь» и слишком слабо опираются на драматическую жизнь.

Драматургическая ограниченность пьесы поставила тяжелые задачи перед спектаклем и прежде всего свела к минимуму самоопределения трамбовского актёра.

Конечно, в запасе ТРАМА нашлось не мало теплоты для нагрева оптимистической, молодежной атмосферы зрелища. Там, где пьеса выходит к своим неясным подемам — режиссура достигает полнотного сценически собранного напряжения, напоминающего не пылкие образы трагического кинопанорамного периода ТРАМА (мотора готовятся в боевому курсу — сцена в каюте командирского корабля).

Лучшие сцены спектакля говорят о том, что после краткого и слишком поспешного отъезда от собственного богатого наследия (в «Плотном потоке») Ленинградский ТРАМ начинает более свободно и смело распоряжаться всем опытом своего прошлого накопления, очищая его от ошибок и ложных обобщений: в спектакле возвращается мшистая сила музыки — теперь она «подготавливает», а не уничтожает актёра, возвращены свободные композиционные средства действия («валытки»), — теперь служат не ступенчатым катогорам, а выходят в образ и расширяют поэтический смысл положений, не дублируя своей реалистической мотивированности — все это, линия подема, линия роста театра.

Но пьеса еще не дала лев, ТРАМУ возможности ухватиться за это решающее звено, которое в ближайшем будущем должно поднять театр на новый уровень, в новые выходы и новые горизонты. Тот актер, который нужен сейчас ТРАМУ, еще не заявил о себе с достаточной определенностью. Одно из самых слабых мест спектакля — это элементы неважливости сценических персонажей, зачастую сводимых к какой-то средней безымянной вытопке, всегда готовой перейти в односторонний кинопанорамный крик. Это — персонажи призваны преждевременного утверждения трамбовских амплитуд, тенденций роста конкретности образа сценической молодежной деятельности — на сцене как бы оживают в основном и чаще старые трамбовские «архивные все лица». В частности, эта старая булбужавшая «созвучность» просто попортит лицо колхоза в спектакле, не правых амплитуд неважно возникла линия своеобразной трамбовской индивидуальности или пасторальности в изображении колхозных людей и колхозной ТРАМУ.

Лев актер. Но создать его, дать ему жизнь и выражение на сцене может только драма.

Лев ТРАМ еще не призвал драматургию в свою практику — от этого пьеса выйдет будущая театра и весь исход борьбы за новый творческий этап трамбовского движения.

В. БЛОМЕНФЕЛЬД.

Карпов — ШМЫРОВ

М. Комсомольская правда 20/х-36

ЧТО ПОКАЖЕТ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТРАМ?

Ленинградский ТРАМ открывает своим новой пьесой о комсомоле во флоте «Боевой курс» — работу своей драматургической лаборатории. Следующей постановкой, посвященной к 16-летию Октября, будет пьеса В. Витковского «На флоте — бой» в постановке Р. Сусликина.

В порядке освоения драматического наследия ТРАМ приступает к постановке «Недоросли» Фавизина, строясь раскрывать эпоху и максимально приближая материал пьесы к современному зрителю. Ставит пьесу М. Соколовский, музыку пишет Д. Шестакович с использованием полифонии музыки XVIII века, художник — Ф. Кондратов, премьеры — в конце января 1933 года.

Параллельно с этими ТРАМ работает над пьесой Ал. Толстого и А. Старикова «Я». Постановка поручена Н. Соколовскому, художник — И. Вуксевич. К концу сезона ТРАМ начнет пьесу Д. Гурбара «Большой концерт на сцене» с участием молодого колхозника эпохи империализма. Пьеса строится на материале кризиса в Балале, в частности исполняют эпизол с самодушеством ищущего короля Крейтера.

Кроме того, для ТРАМ драматург М. Львов и молодой композитор Ефимов пишут оперету на комсомольской жизни на бытовую тему.